

Nachschlagen in den Kommentaren wichtig für ihr besseres Verständnis — doch in die Kommentare kann sich der Leser auch

in der Art einer eigenständigen Lektüre vertiefen.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1993.3.11>

Г. С. Иванова, Репрезентация гласного непервого неавого общемордовского слога в современных мордовских литературных языках и диалектах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1992.

Исследование Г. С. Ивановой подготовлено в МордНИИ, ее научным руководителем был доктор филологических наук профессор Д. Т. Надькин. Защита состоялась перед специализированным Советом К. 064. 44. 01 при Марийском государственном университете. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Л. П. Грузов (Иошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент В. И. Сямкина (Саранск).

Гласные непервого слога не только в мордовских, но и в других родственных финно-угорских языках изучены весьма слабо. Если и имеются некоторые работы, посвященные этой проблеме, то гласные представлены в них лишь в реконсцировочном плане. Даже в работе финского специалиста по мордовскому языку П. Равила (см. *Über eine doppelte vertretung der urfinnischwolgaischen a der nichtersten silbe im mordvinischen (FUF XX 1929)*) рассматриваются гласные непервого слога в диахроническом плане. Другой финский лингвист Э. Итконен анализирует гласные марийского языка в сравнении с пермскими и мордовским языками (см. *Zur Geschichte der Vokalismus der ersten Silbe im Tschechremissischen und in den permischen Sprachen (FUF XXXI 1954)*; *Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen (FUF XXIX 1946)*) только в начальном слоге, он тоже мало внимания уделяет вокализму непервых слогов, хотя и в этой области у него имеются работы. Можно отметить работу Х. Паасонена «*Mordwinische lautlehre*» (Helsinki 1903 (MSFOu XXII)). Д. В. Бубрих, которому принадлежит ряд открытий в мордовском языкознании, особенно в части фонетики

и фонологии, серьезно изучением вокализма непервого слога не занимался.

Актуальность работы Г. С. Ивановой состоит именно в том, что она на широком фоне диалектной пестроты вокализма непервого слога попыталась найти какие-то качественные корреляции в определенных фонетических положениях, чего не было сделано в исследованиях предшественников. С помощью синхронно-описательного метода (в основном) решается поставленная автором задача: анализ современного состояния вокализма непервого неавого слога в общенародном мордовском языке.

Работа состоит из вводного раздела, четырех глав: 1. Вокализм непервого слога; 2. Гармония гласных; 3. Фонетические явления в системе вокализма непервого слога; 4. Общемордовские сочетания (гласный + *j*) в современных мордовских литературных языках и диалектах в непервом слоге слова, и заключения. Приложение включает список сокращений и перечень использованной литературы.

В первой главе рассматриваются гласные непервого слога общемордовского периода с качественной стороны. Здесь автор обращает внимание на существующие в мордовском языковедении две точки зрения. Одна из них принадлежит Х. Паасонену и Д. В. Бубриху. Д. В. Бубрих в § 9—11 своей книги «*Историческая грамматика эрзянского языка*» (Саранск 1953) пишет, что «некогда во всех эрзянских диалектах на месте современных *o* и *э* в непервых слогах были *y* и *и* (*ы*)». Аргументирует свой тезис он следующим образом: после исторического скольжения ударения с первого слога на последующие в направлении к концу слова гласные первого слога редуцируются и утрачиваются — так появляются в начале слова стечения согласных вторич-

ного порядка, например: *промо* 'слепень', ср. мокш. *пурэмс* (орф. *пуромомс*; ср. мар. *пормо*, *пурмо*), *чы* (орф. *чи*) 'солнце, день' (из *кчы*). Д. В. Бубрих приводит марийское слово *кече*. При этом утверждает, что гласный второго слога принимает на себя функцию утратившегося гласного первого слога и сохраняет древнее свое качество *ij* или *u* (*ы*), но не подвергается процессу расширения: *киш'и*, *кишуватомс* 'прогнать, спугнуть', *кшы* (орф. *кши*) 'хлеб', *пшт'и* 'острый', *нс'и* 'горячий, жаркий' и др. (явление расширения гласных особое место занимало и в истории марийского языка: ср. мар. *кож* 'ель' — фин. *kuusi*, морд. *куз*; мар. *колаш* 'слышать' — фин. *kuulla*, морд. *кулямс*; мар. *корно* 'дорога' — фин. *kuurna*, эст. *kurn*; мар. *том* 'ядро, косточка' — фин. *tuma* 'зерно, ядро' и др.). Это первая точка зрения, согласно которой первоначально в непервых слогах были только гласные полного образования.

Но в свое время В. Штейнитцем было высказано мнение о том, что редуцированные гласные, сохранившиеся в марийском и хантыйском языках, существовали еще в прафинно-угорский период (см. W. Steinitz, *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*, Stockholm 1944). Эту теорию принял и Д. В. Цыганкин (Фонетика эрзянских диалектов, Саранск 1979, с. 60). Согласно этой точке зрения, в прамордовском языке был редуцированный гласный, а в период самостоятельного развития языков из общемордовского редуцированного гласного в эрзянском языке развились гласные полного образования (? — Л. Г.), а в шугуровском диалекте эрзянского языка, как и в мокшанском, он сохранился, так как там «сохранились наиболее благоприятные фонетические условия (? — Л. Г.), при которых действие ассимилятивных процессов было минимальным. Это прежде всего сохранение ударения на первом слоге.»

Конечно, переход (замену) редуцированных в гласные полного образования в эрзянском трудно себе представить, хотя в истории языков известны и такие процессы. В древнерусский период (вторая половина XII века) редуцированные гласные *ъ* и *ь* в «сильных» позициях прояснились и совпали с *о* и *е* (*ъ* > *о*, *ь* > *э*): *сънь* > *сон*, *лъбь* > *лоб*; *днь* >

день, *пнь* > *пень*. Подобное явление отмечается в горном наречии марийского языка. Г. И. Рамстедт в своей книге «*Bergtscheremissische sprachstudien*» (MSFOu XVII) своеобразно и регулярно отмечает огубленные редуцированные, которые впоследствии совпали с *й*, *ѣ* или *э*. Для мокшанского языка в работе признается одна редуцированная фонема с аллофонами (оттенками) *э* и *ѣ*. Однако оттенковый характер этих двух гласных, по мнению рецензента, автором не доказан, скорее всего они представляют собой самостоятельные единицы (фонемы). В непервых слогах для общемордовского периода автор признает наличие трех гласных полного образования: *а*, *у*, *и*, т. е. высказанный в свое время Х. Паасоненом тезис принимается как более обоснованный.

Однако в конкретном изложении материала о гласных в открытых и закрытых непервых слогах четкости изложения и убедительности толкований рецензент не обнаружил.

Что касается второй («Гармония гласных») и третьей («Фонетические явления в системе вокализма непервого слога») глав, для разделения этой общей и тесно взаимосвязанной единой проблемы по главам нет логического основания.

Палатальная гармония в мордовских диалектах, как и в марийских, представлена в разных вариантах, но в большинстве случаев суффиксация (словообразующая или формообразующая) получает двоякую огласовку — передне- или заднерядную — в зависимости от качества гласного первого слога.

В разделе «О двухвариантности падежных аффиксов» (с. 51—61) автор пишет: «В пользу существования палатальной гармонии гласных в мордовских языках говорит двухвариантность звукового оформления большинства падежных аффиксов с гласными, когда к основе с переднерядным вокализмом присоединяется аффикс с гласным переднего ряда, а к основе с заднерядным вокализмом — аффикс с гласным заднего ряда». Здесь подчеркивается еще и роль качества конечного согласного основы — является ли он твердым или смягченным, от чего зависит, каким должен быть гласный по ряду (заднего или переднего ряда);

например: *кудомо* 'дома' — *велесе* 'в деревне'; *ванодо* 'смотрите' — *нолед'е* 'приходите'. Д. В. Бубрих это явление называет сингармонизмом, имея в виду двойную огласовку непервых слогов одновременно в зависимости от характера дистрибуции, т. е. в зависимости от того, какой согласный предшествует гласному (твердый или смягченный). Такая причинно-следственная связь особенно четко проявляется в мокшанских диалектах. На это в свое время обратил внимание еще Х. Паасонен (H. Paasonen, *Mordwinische lautlehre*, Helsinki 1903, с. 105—106). Он писал, что «прогрессивная палатальная аттракция» представляет собой общемордовское явление, но в современных диалектах она представлена в измененном виде: общемордовский открытый гласный заднего рода *a* в мокшанском после мягкого согласного в конечной позиции заменяется *ä* — мордЭ *пира, пра* 'голова' — мордМ *пира, пра*; мордЭ *сийа* 'серебро' — мордМ *сийä*, в диалектах *сийе, прае*.

На с. 46—47 автор пытается особо выделить словесный и слоговой сингармонизмы. Несколько раз прочитал раздел, но авторский тезис до меня не дошел. Для меня гармония гласных — это такое особое фонетическое явление, которое касается своеобразной огласовки вокализма всего слова, оно имеет характер суперсигментного плана.

В третьей главе «Фонетические явления в системе вокализма непервого слога» повторно рассматриваются различные случаи гармонии гласных, процесс расширения-замены в одних и тех же морфемах этимологических гласных высокого подъема **y*, **u* (гласными *o* и *e* под влиянием таких же звуков первого слога), частичное проявление регрессивной гармонии, спорадический процесс огубления **u* > *y* перед губными согласными, переход общеморд. **a* в *e* в положении между двумя палатализованными согласными типа диал. *бер'ен'*, ср. эрз. *бер'ан'* 'плохой'; *ер'ес'* — эрз. *ер'ас'* 'жил'. Отмечается, что замена фонемы *a* гласным *e* является процессом живым (фонетическим), так как она проявляется не

только в исконных мордовских словах, но и в современных заимствованиях.

Говоря о случаях регрессивной гармонии, следует отметить, что нечто подобное наблюдается и в диалектах марийского языка. При подавляющей общей гармонии прогрессивного типа в марийских диалектах (северо-западном, восточном) встречаются спорадические случаи регрессивного уподобления гласных по ряду, например: *рүшярн'ä* (ср. *руш* 'русский' + *ярн'ä* 'неделя'), *рүшвätты* 'русская женщина' (ср. *руш* + *вätты* 'женщина'), *пяррт-анцылыны* 'в сенях' (ср. *пöрт* 'изба' *анцыл* 'перед'). Правда, уподобление регрессивного типа в марийских диалектах в основном свойственно сложным словам, в которых гласные первого компонента подчиняются вокализму стержневой второй части.

В четвертой главе рассматриваются судьбы дифтонгических сочетаний гласных со среднеязычным согласным (автор называет сочетания подобного рода дифтонгами — ?). Общемордовское сочетание — гласный + *j* — представлено на уровне различных морфологических категорий (3-е лицо настоящего-будущего времени безобъектного спряжения *-aj-*, *uj-*, *-ej-*, *-uj-*; в формах глаголов объектного спряжения) как в случаях с сохранившимися прамордовскими сочетаниями, так и — в измененном виде — в мокшанских и эрзянских диалектах.

Отрадно отметить, что богатейший материал в основном собран, обработан и интерпретирован Г. С. Ивановой. С помощью диалектографического метода составлены и прекрасно исполнены четкие и убедительные карты.

В работе встречается терминологическая наукообразность. Многие термины не соответствуют принятым в общей теоретической фонетике: *ассимиляция гласных* вместо *гармония гласных*, *дифтонг* вместо *дифтонгические сочетания*, *палатальные согласные* вместо *палатализованные* (или *смягченные*) и др. Хотя следует сказать, что всякие терминологические споры существенного значения не имеют.

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)